

Еля Славская

ЛЕС ЗНАЕТ
ЕЕ ИМЯ

» — КРОВЬ ИНШАЙ — «

Еля Славская

Лес знает ее имя. Кровь Иншай

<https://litres.ru/74039579>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если зло, которым тебя пугали с детства, — это ты сама?

Весея с рождения жила в тихой деревне, не подозревая, что её лицо — лишь морок, а в её жилах течёт кровь Иншай, народа, который столетие назад обвинили в гибели целого княжества.

После пробуждения дара, Весея вынуждена бежать из родной деревни. Рядом с Весеей — Дан, сын старосты, готовый ради неё пойти против деревни и закона; Айка, чьи видения могут спасти, а могут — убить; Ворон, наёмник с птичьей душой и ведьминой меткой, медленно убивающей его изнутри; Арн, наемник, способный обращаться в медведя.

За ними по пятам идёт Охотник, поднимающий мёртвых из земли.

Чтобы спасти себя, друзей и память о своём народе, Весее придётся принять то, от чего бежит: свой дар, своё имя и страшный выбор — стать спасением земель, которые её ненавидят, или их погибелью.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Еля Славская

Лес знает ее имя.

Кровь Иншай

Пролог

Утро в Шаттэрском княжестве выдалось ясным. По небу лишь кое-где плыли легкие, прозрачные облака. Ветер теплый, почти ласковый, неторопливо гулял по улицам и играл зелеными листьями деревьев.

Из пекарни у рыночной площади тянулся аромат свежего хлеба. На прилавки уже выставили плетеные корзинки с пирогами и лепешками, а пчеловоды принесли бочонки с медом, который светился на солнце, словно янтарное золото.

Ставни распахивались одна за другой, впуская в дома свежий летний воздух. Во дворах слышалось позвякивание ведер, голоса перекликающихся соседей, ленивый лай собак, которые только проснулись и уже выпрашивали еду у хозяев.

Трава была еще влажной от росы и мягко серебрилась на солнце. Из садом доносилось гудение пчел, которые перелетали с цветка на цветок, а деревья тихо шелестели кронами словно желая всем доброго утра.

К полудню все изменилось.

Воздух сгустился. Так бывает перед грозой. Но небо было чистым, только солнце словно потухло. Неведомо откуда взялась тяжесть — будто камень лег на грудь. Даже птицы умолкли и спрятались где-то в глубине ветвей, а кони в стойлах, ржали истошно, били копытами. Земля дрогнула. Послышался тихий треск: его можно было принять за раскаты грома вдалеке. Дети притихли, взрослые переглядывались. Старики нахмурились.

Первая трещина прошла по площади в городе Шаттэре. Камни мостовой вывернуло наружу, и из-под них полезли корни — черные, с каплями смолы, что шипели, падая на землю. Они росли на глазах, извивались, тянулись, будто искали, за что ухватиться. Один из них уволок под землю мальчишку, не успевшего убежать.

Лес вырывался из-под земли и глубин ближайших рек. Огромные искривленные деревья с черной листвой ломали все, что стояло у них на пути: избы, кузницы, постоянные дворы. Даже стены из тесаного камня трескали, оседали, рушились от напора.

Люди с криками бежали в разные стороны, другие хватались за топоры — но против самого леса разве устоять? Один мужик ударил по ветви, но она тут же пробила ему грудь и утащила тело в землю. Те, кто пытался укрыться в домах, гибли первыми — крыши рушились на них, полы проваливались, и весь дом оплетался корнями и ветвями, как труп паутиной.

Воздух стал вязким, мутным. Люди задыхались, падали, корчились. У кого не остановилось сердце — того раздавило, или утянуло под землю.

Князь Данислав стоял на балконе, глядя вниз, где от его города осталась только черная клокочущая масса. Он сжимал в руках посох с вырезанным символом — дубовым листом в круге — и знал: это конец. С ним рядом была ведунья Старуна, лицо которой стало мертвенно-серым. Князь был уверен — она все поняла раньше других. Раньше него. Старуна предупреждала. Она называла цену. Но он отстранил ее. «Мир не строится на страхе», — так он сказал тогда. А теперь...

Земля под дворцом затряслась. Гора начала оседать. Сначала едва заметно, а потом — с треском, с гулом, с ревом, будто кто-то снизу тянул. Каменные террасы рушились одна за другой, башни ломались, как соломинки. И весь дворец начал уходить под землю. Черные кроны сомкнулись.

Наступила тишина.

Где раньше были города, деревни, тракты, теперь — чаща. Крепкая, зловонная, темная, как ночь. На месте улиц — заросли папоротников с черными прожилками и шепот ветра. И в этом шепоте можно услышать голоса тех, кто погиб вместе со своим княжеством.

С тех пор ни один человек не осмелился войти в тот лес. Ни один зверь не ступил туда. Ни одна птица не пролетела над тем местом.

Не ходи в ту сторону, не зови, не поминай. Шаттэровский лес все слышит. И помнит.

Глава 1

Вечер медленно спускался на Липцы. Из приоткрытого окна веяло свежим летним воздухом, слышался стрекот кузнечиков. Весея с детства любила такие моменты, когда они с Друдой садились и начинали смешивать травы, раскладывая их по холщовым мешочкам, чтобы наутро отдать деревенским.

В избе было светло и тихо. Мягкий, чуть колеблющийся свет лучины ложился на связки растений, развешанные под потолком и на стенах. От них тянуло густым терпким запахом: сушеной полыни, мяты, зверобоя и ещё десятков трав, которые Весея могла определить даже с закрытыми глазами.

На столе лежали кучки кореньев, листьев и цветков. Весея взяла веточку таволги и тут же почувствовала сладковатый аромат мёда. Она любила эту травку: та успокаивала и помогала быстрее уснуть после тяжелого дня.

— Верниска сюда немного больше положи, — сказала Друда, указывая на мешочек рядом с Весеей. — У Марьи лихорадка уже третий день. Если так дальше пойдёт, одними травами не обойдемся. Придётся у прашуров помощи просить.

— Надо завтра будет сходить еще набрать и засушить, — ответила Весея. — Скоро время сбора закончится.

Она взяла щепоть верниска чуть больше обычного и ак-

куратно добавила в сбор для Марьи.

Друда кивнула и продолжила работу. Она почти не смотрела на травы: пальцы сами находили нужный компонент и отмеряли ровно столько, сколько требовалось.

Весея тоже хотела достичь такого мастерства. Хотя она хорошо разбиралась в травах, знала множество рецептов для отваров, настоек и мазей, до матери ей всё же было ещё далеко.

Она завязала очередной мешочек, прикрепила к нему кусочек бересты с названием и именем того, кому он предназначался, и положила к остальным.

Весея посмотрела на аккуратный ряд сборов и почувствовала тихую радость. Когда-то она сидела за этим же столом и только училась различать травы и их ароматы, а теперь помогала Друде как настоящая травница.

За окном сгущалась ночь.

Весея вышла на улицу. Ветер шевелил траву во дворе, от реки тянуло прохладой. Из палисадника донёсся свежий, чуть горьковатый аромат айвеля.

«Скоро надо будет собирать», — подумала она и улыбнулась.

Она ещё немного постояла у крыльца, вглядываясь в темноту.

Как же тихо и спокойно.

И только тёмный силуэт Шаттэрского леса вдали немного омрачал этот чудесный вечер.

Весея очнулась на мокрой от утренней росы траве. Воздух тянулся сырой, густой, со слабым запахом прелых листьев, плесени и чего-то старого. Очень старого.

Она приподнялась на локтях и огляделась. Перед ней, в нескольких саженьях, начинался Шаттэровский лес.

Тот самый.

Лес, о котором сказывали на вечерках — как о живом проклятии, о пасти, проглотившей целое княжество. Деревья тянулись вверх узловатыми ветвями, похожими на скрюченные когти, а их стволы были словно обуглены.

Птиц не было слышно. Только едва заметный шелест, который можно было принять за ветер в чёрных кронах. Но ветра не было. Весея вспомнила, как старики говорили в деревне: "Шаттэровский лес шепчет голосами душ, забранных им в тот страшный день."

Она не помнила, как очутилась здесь. Весея встала и посмотрела на небо. Солнце только поднималось от горизонта, собираясь согреть остывшую за ночь землю.

Она судорожно попыталась вспомнить, что произошло вчера. Тщетно. Последнее, что всплывало в памяти, — как она накануне вечером легла спать.

— Вес Весея

Голос раздался внезапно. Казалось, он доносился из самой глубины Шаттэровского леса. Она хорошо помнила этот голос. Не забыла его даже спустя десять лет. Весея дёрну-

лась. Может, ей просто мерещится?

— Весея, — снова позвал голос.

Теперь он звучал яснее.

— Веслав — прошептала она.

Быть того не может. Её брат умер. Умер много лет назад. И сегодня была десятая годовщина.

— Помоги мне, сестренка, — тихо сказал голос. — Я знаю, ты сможешь. Только ты сможешь.

Весея попятилась, боясь повернуться к лесу спиной. Под ногой что-то хрустнуло, и она упала. Почти не осознавая себя, вскочила и бросилась бежать в сторону деревни. Рубаха липла к телу, путалась в ногах. Высокая трава цеплялась за лодыжки, словно крепкие верёвки, пытаясь удержать её и утянуть обратно в зеленую глубину.

Когда Весея наконец добралась до первых домов, она заметила людей на улице, несмотря на ранний час. Кто-то, заведя её — босую, растрепанную, с пятнами травы на одежде, — быстро отворачивался и прятал взгляд. Другие не скрывали едких усмешек.

Весея влетела в избу, захлопнула дверь и, прижавшись к ней спиной, сползла на пол, обхватив голову руками. Сердце стучало в висках. Волосы прилипли к лицу. Ноги саднили, но ей было не до них.

— Весенька?! Слава богам, где ты была?! — Друда поднялась с лавки и бросилась к дочери, крепко обняла её.

— Я не знаю — выдохнула Весея. — Я проснулась там у

леса

Из-за печи показалась соседка — тётка Марева. Сухопарая, с острым взглядом, как у сороки.

— Вот и нашлась твоя ненаглядная, а ты чуть всю деревню не подня — Марева застыла на полуслове.

Из её рук на пол грохнулся черпак с водой.

— Друда ты глянь

Мать чуть отстранилась и посмотрела на Весею.

Руки. Они начали белеть. Весея замерла. Она подняла глаза на Друду и по тени страха на ее лице поняла: меняются не только руки.

Марева отшатнулась, скрестила пальцы и забормотала что-то о дурной крови.

— Она она Иншай! — взвыла та. — Из проклятого народа! Ведьма! Духопорченная! Убери от меня девку эту, Друда! Ты с ума сошла — ты ж её в доме держишь!

— Это это моя дочь — прошептала Друда.

Она помогла Весее подняться и, обняв её за плечи, повела к лавке у окна.

Весея почти не слышала криков Маревы. Звуки стали глухими, словно доносились через толщу воды. Только сердце билось тяжело и гулко. Мир вокруг покачивался, как отражение в реке, в которую бросили камень.

Слово «Иншай» резануло её, будто ножом.

Друда всё ещё держала её за плечи, но Весея уже не чувствовала тепла рук. Под ее кожей что-то раскрылось. Словно

лес зашевелился глубоко внутри.

Воздух в избе изменился. Стал плотным, вязким. Запах дыма из печи, травяных связок на стенах, старого дерева — всё стало яснее и резче. Она различала даже пыльцу в солнечном луче, мельчайшие трещины в бревенчатой стене, каждый шорох за пределами дома.

И вдруг Весея почувствовала, как внутри неё разливается нечто светлое. В нём не было ни страха, ни боли, ни проклятий. Только что-то своё, родное — будто она наконец нашла утраченную часть себя.

В этот миг в ней пробудилась сила.

Она не вспыхнула ярко. Не вырвалась наружу. Просто проснулась. Тихо расправляя крылья. Прохладная, текущая, как родниковая вода. Она пробежала по позвоночнику, вспыхнула в ладонях — и исчезла.

Марева замолчала и отступила, прижав руки к груди. Она смотрела на Весею так, будто перед ней была не девушка, которую она знала с детства, а нечто страшное, от чего нет спасения.

— Не дочь она тебе! Сама знаешь! — выкрикнула Марева. И бросилась к двери.

— Марева, прошу тебя, не погуби! — Друда шагнула за ней. — Весея — всё, что у меня есть. Она дочь моя, хоть и не родной крови. Никому зла не причинила. И не причинит. Умоляю тебя!

Марева обернулась у порога, скривилась, будто на неё вы-

лили ушат помоев, презрительно фыркнула и выскочила из избы.

Но Весея больше ничего не слышала. Она закрыла глаза. И растворилась в тихом шепоте ветвей, в голосах ветра, в далёких вздохах зверей в глубине леса. Они знали её. И принимали.

Она очнулась от криков с улицы. Сперва они были глухими, далекими, словно доносились сквозь дрему, но с каждым мгновением становились все отчётливее. Огляделась. В избе никого. Дверь была распахнута настежь и снаружи тянуло холодом — непривычным для начала лета. Весея поежилась.

— идёт — туман — из леса — боги, спаси

Сердце сжалось. Весея вскочила, подбежала к окну и замерла.

Со стороны Шаттэрского леса надвигался туман. Он не стелился по земле, как бывает по зорьке, а поднимался и клубился, будто живой. Тяжёлый, белёсый, он катился по полю в сторону деревни, и в его глубине мелькали чёрные тени. Весее показалось, что кто-то смотрит на неё.

Дверь хлопнула от порыва ветра и она вздрогнула. Быстро скинув мокрую рубаху, Весея натянула сухую одежду и на миг замерла, уставившись на руки. Они были обычными. Исчезли и странная белизна, и ощущение незнакомой силы. Но где-то глубоко внутри всё ещё отзывался тихий голос рощи.. Весея сунула ноги в сапоги и выбежала из избы. Друды

не было видно.

На улице царила суматоха. Люди метались из стороны в сторону, сталкивались, кричали. Кто-то гнал скот, торопясь загнать его во двор. Животные упирались, рвали поводья — чувствовали беду. Женщины хватали детей, прижимали их к себе и растерянно озирались, не зная, куда бежать. Кто-то уже стоял на коленях прямо в пыли, закрыв лицо руками, и шептал молитвы богам.

Весея пыталась спросить у людей, не видели ли они Друду, но те только отмахивались от неё или вовсе делали вид, что не слышали.

Она остановилась посреди улицы стала оглядываться по сторонам, но матери нигде не было видно

Туман уже перевалил за край поля. Ещё немного — и он доберётся до первых домов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.